

БИБЛІОГРАФІЯ.

О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго напята. *Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскою Казанскою Университета ординарнымъ профессоромъ политической экономіи и статистики Иваномъ Бабстомъ, 3-ю іюня 1856 года. Казань. 1856.*

Привычка вставляетъ насъ, наученныхъ горькими опытами, не ожидать отъ «торжественныхъ рѣчей» ничего другаго, кромѣ пышныхъ и пустыхъ фразъ, кромѣ велерѣчиваго многословія, кромѣ безжизненныхъ общихъ мѣстъ. Къ счастью, не такова «Рѣчь» г. Бабста. Это произведеніе, можно сказать, образцовое по дѣльности и благородству мысли, по живости изложенія, по обилію интересныхъ и поучительныхъ фактовъ. Рекомендуемъ эту прекрасную «Рѣчь» вниманію cadaго образованнаго читателя. Намъ хотѣлось бы, чтобы вся публика познакомилась съ нею, и такъ какъ брошюра г. Бабста напечатана, безъ сомнѣнія, только въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, то мы считаемъ своею обязанностью сообщить читателямъ хотя нѣкоторые отрывки изъ нея, какъ прекрасные примѣры благороднаго примѣненія науки къ жизни. Примѣры эти, къ сожалѣнію, еще рѣдки у насъ; но гдѣмъ большаго аниманія заслуживаютъ немногіе опыты, представляемые въ этомъ родѣ нашею ученою литературою.

«Еще очень недавно (такъ начинается г. Бабстъ) мы отпраздновала, м. г., радостное вѣстіе о заключеніи мира. Мы знаемъ, какъ благотѣльно подѣйствовало на наше сельское хозяйство, на нашу торговлю и промышленность одинъ только слухъ о близости этой радостной минуты великаго народнаго примиренія. Вздохнулъ свободѣе и понѣшкѣ, нѣмъ надежду на сбытъ хлѣба и на хорошія цѣны, потянулась къ намъ вереница купеческихъ прикащиковъ для закупа продуктовъ нашихъ родимыхъ нивъ в поляхъ, вострепнулись и зашумѣли наши фабрики, прекратившія работы, и толпы воммерческыхъ агентовъ появились уже въ нашихъ портахъ и промышленныхъ центрахъ для закупа нашихъ продуктовъ. Встрѣчая еъ радостію миръ, не возмущамъ нашего счастья сѣтованіемъ о прошедшихъ страданіяхъ, а возблагодаримъ войну за тѣ великіе плоды, которыми мы отчасти уже начинаемъ пользоваться. Тяжкія народныя борьбы и страданія заставляютъ народы осматриваться, провѣрять свою пройденную жизнь, провѣрять учрежденія, намѣнять ихъ и поправить свои ошибки. Воспользуемся же дружно, м. г., спасительными опытами войны и плодами ея. Она и въ экономическомъ

нашею быту раскрыла явны также во всей ихъ наготѣ недостатки и упущенія наши. Она указала намъ на недостатки въ путахъ сообщеній, на монополичный характеръ многихъ сторонъ нашей промышленной дѣятельности, на отсутствіе кредита, на исключительно еще почти естественный характеръ народнаго и государственнаго хозяйства, на медленное обращеніе капиталовъ, наконецъ на недостатокъ въ нихъ. Возблагодаримъ ее за то, что она намъ указала на всѣ озабоченныя темныя стороны. Намъ предстоитъ теперь только не дрогнуть передъ ними, но съ ними бороться и одолѣть ихъ. Подобно нашимъ доблестнымъ вѣтякамъ, отстаивавшимъ грудью русскіе предѣлы, пускай отстаиваютъ честь родины каждый изъ насъ: и купецъ, и земледѣлецъ, и мужикъ закона и науки. Ополчимся неѣ дружно и дружно станемъ дѣйствовать для распространенія нравственнаго образованія, для умноженія нашего богатства...

«Прежде всего наукѣ приходится бороться съ тупыми, устарѣлыми предразсудками, съ недоувѣріемъ большинства, привыкшаго въ рутинѣ,—большинства, выражающаго на каждомъ шагѣ свое недоувѣріе, неуваженіе, а нерѣдко и злобу къ теоріи. Нѣтъ почти ни одного вопроса, ни одного явленія въ народномъ хозяйствѣ, гдѣ бы теорія не встрѣтила упорнаго сопротивленія, и гдѣ бы намъ не пришлось вступить въ бой съ отживающими уже формами народнаго хозяйства, но за которыми говоритъ вѣковая давность, привычка, рутина и неподвижность—эти постоянныя признаки отживающихъ формъ. Подобныя препятствія встрѣчала политическая экономія вездѣ. Вездѣ противъ нововведеній и реформъ, вынужденныхъ измѣнившимся содержаниемъ народной жизни и условій народнаго хозяйства, выступала защитники стараго быта, ветхихъ формъ; но за то вездѣ въ Европѣ была эта борьба облегчена тѣмъ, что тамъ существуетъ полемика, что каждый живо затронутый въ своихъ интересахъ выступаетъ на защиту своихъ мнѣній словомъ, что тамъ экономическое образованіе составляетъ необходимую принадлежность образованнаго большинства; наконецъ, тѣмъ, что тамъ вообще образованіе разлито шире, чѣмъ у насъ. Предразсудки, недоувѣріе къ теоріи, рутину найдемъ мы вездѣ. Вездѣ, гдѣ только существуетъ человѣческое общество, вездѣ встрѣтимъ мы двѣ великія партіи, на которыя одно дробится: приверженцевъ старинныя а рутины, не довѣряющихъ теоріи, и партію прогресса, сознающую необходимость реформы. Но дѣло въ томъ, что нигдѣ уже не найдемъ мы зато такого неуваженія къ теоріи и наукѣ, какъ у насъ; не услышимъ уже подобныхъ словъ, что не дворянское дѣло заниматься хозяйствомъ, не услышимъ похвалъ нашей внутренней торговлѣ, по душѣ, безъ всякаго счетоводства, безъ книгъ, гдѣ рѣдкій купецъ, рѣдкій помѣщикъ въ еостояніи сдѣлать балансъ своимъ оборотамъ, не услышимъ уже подобныхъ мнѣній, которыя питаетъ у насъ большинство даже образованнаго народонаселенія, хранившаго дѣтское убѣжденіе, что, запретивъ вывозъ пшѣбы, Россія можетъ голодомъ принудить западную Европу къ уступкамъ, не найдемъ уже людей, какъ у насъ въ захолустѣ, которые бы удивлялись, что случайно захватившій въ намъ образованный купецъ такъ живо интересуется иностранными газетами, тогда какъ въ Дворянскомъ Собраніи лежать онѣ почти нетронутыми, не найдемъ и представителей финансоваго управленія, высказывающихъ мнѣніе, что, умноживъ налогъ на соль, необходимо получишь больше дохода отъ увеличившагося потребленія. Въ такихъ словахъ видны уже и не нападки на теорію, а совершенное непониманіе первыхъ началъ народнаго хозяйства; здѣсь приходится учить, здѣсь только всеобщее образованіе, ученіе можетъ вызвать общество на прямую дорогу.

«Распространенію здравыхъ экономическихъ понатій, м. г., составляетъ одну изъ самыхъ необходимыхъ потребностей нашего общества. Пора, наконецъ, перестать жить зря, какъ говорится, дѣлать все зря. Наступаетъ для насъ пора проверить все, что мы сдѣлали, что совершили, и достойно ли совершили. Пора намъ задать себѣ вопросъ, такъ ли мы воспользовались и обширнымъ пространствомъ нашей родины и громадными богатствами, кроющимися въ ея нѣдрахъ и выпавшими по волѣ Провидѣнія на нашу долю. Русская исторія сдѣлала громадныя успѣхи въ послѣднее время; предоставимъ даровитымъ ея дѣателямъ слѣдить за судьбами русскаго человѣка втеченіе его долгой исторической жизни. Пора и экономистамъ проверить исторію экономическаго быта русскаго человѣка, прослѣдить исторію его пищи, одежды, жилья,

прослѣдить все, чего онъ жаль, чего хотѣлъ, чего добивался и навѣ добивался, чего, наконецъ, успѣлъ достигнуть, и каковы успѣхи нашего экономическаго быта.

«Тогда, вѣроятно, рѣже встрѣтимъ мы эту самоувѣренность въ нашемъ превосходствѣ, это китайское самодовольствіе и эту возмутительную лѣнь ко всѣмъ улучшеніямъ эконоическаго быта. Тогда не встрѣтимъ мы страннаго убѣжденія, что безъ насъ и вашего хлѣба, безъ нашего гѣса или сала не можетъ обойтись вавилонская Европа, что она зависитъ отъ насъ, и что въ нашей волѣ морить ее голодомъ или дать наѣсть досыта; а, между тѣмъ, англійскій поденщикъ продолжаетъ ѣсть хлѣбъ, какой у насъ ѣсть только высшее сословіе, и ежедневно потребляетъ полтора фунта мяса, тогда какъ нашъ крестьянинъ ѣсть его по праздникамъ рѣдко и круглый годъ довольствуется хлѣбомъ, о которомъ уже съ XVII ст. въ западной Европѣ и не знаютъ. Не хвастовство, не самоувѣренность привести насъ къ добру, а истинный патриотизмъ и безпристрастное, благородное сознаніе въ своихъ недостаткахъ. Пора намъ перестать быть Раеплюевыми, увѣряющими, что сельское хозяйство оттого въ западной Европѣ хорошо, что вѣдь съ голоду все они это дѣлаютъ. Мы, что ли, ужь такъ богаты? Если кто припомнитъ голодные наши годы вѣсь, что ему приходилось видѣть на дорогахъ и въ деревняхъ, тотъ совнается, что подобнаго голода въ западной Европѣ и быть не можетъ, при ея экономическомъ развитіи, при ея богатствѣ, путая сообщеній и другихъ улучшеній эконоическаго быта.

«Не разъ случалось намъ слышать возгласы противъ промышленнаго, матеріальнаго направленія нашего вѣка, и преимущественно западной Европы; не рѣдко говорится о новомъ Вавилонѣ, о поклоненіи золотому тельцу, о томъ, что всѣ нравственные интересы принесены въ жертву интересамъ промышленнымъ, и азѣмъ всѣ нападки обрушиваются на науку о народномъ хозяйствѣ. Но гдѣ же болѣе видимъ мы корыстолюбія, безчеловѣчія, какъ не въ народахъ неразвитыхъ и экономически необразованныхъ? да и гдѣ мы найдемъ, не у насъ ли, патріархальность нравовъ и золотой вѣкъ, о которомъ мечтаютъ поэты? Не въ житѣ ли, старомъ житѣ Степана Михайловича Багрова видимъ мы патріархальность вашего эконоическаго быта, не въ нашихъ ли вунуческихъ сдѣлкахъ по душѣ, гдѣ чаще всего бывають банкротства, чаще, нежели гдѣ нибудь на Западѣ, гдѣ вниговодство и счетоводство обвѣщивають всѣхъ и каждого? Намъ увазываютъ на широту вашей жизни, на ея размахистость, на разчетливостъ западной жизни. Но послѣдняя пронстенаетъ оттого, что каждый и долженъ и обязанъ жить сообразно съ своими средствами, не можетъ позволить себѣ излишества, не можетъ захватить чужой порціи; да средняя-то порція каждого и больше и лучше.»

Могуществѣннѣйшее средство къ возвышенію государственнаго благосостоянія—продолжаетъ ученый профессоръ—заключается въ увеличеніи капитала, которымъ располагаетъ нація; но капиталъ приноситъ дѣйствительную пользу только тогда, когда не остается лежать мертвымъ и не растрачивается для суетныхъ цѣлей, а энергически употребляется на предіціятія, истинно полезныя для народнаго благосостоянія:

«Для лѣниваго, для безпечнаго народа капиталы—это мертвыя силы, и накопленіе ихъ, равно какъ и силы, направленныя на послѣднее, считаются, пожалуй, безплодною тратою. Нужно, чтобы въ самомъ народѣ крылись и убѣжденіе и сознаніе необходимости бережливости и труда, безъ котораго невозможно накопленіе капиталовъ. Что пользы было Испаніи, когда всѣ сокровища Новаго Свѣта прилипли къ ней? Она не стала отъ нихъ богаче, потому что съ приливомъ совренищъ не усилилась народная дѣятельность. Дурныя государственныя учрежденія, историческія условія, при которыхъ развивалась Испанія, подавали въ народѣ смыслъ и жваніе въ труду, и она осталась бѣдна. Много есть, значить, условій, при которыхъ образуются и накопляютъ капиталы. Энергія и стремленіе къ накопленію послѣднихъ не одинаковы у разныхъ народовъ, но зависятъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ: отъ бержлив-

воотъ народноѣ, отъ обезпеченности его собственности, отъ производительности его труда, отъ отношенія между его производительнымъ и непроизводительнымъ народонаселеніемъ, отъ болѣе или менѣе быстрого обращенія цѣнностей, отъ степени нравственнаго и умственнаго образованія народнаго. Капиталы—результатъ бережливости. Чѣмъ развитѣе народъ, тѣмъ онъ трудолюбивѣе, тѣмъ онъ обыкновенно бережливѣе. Пръ песчинкахъ накаплиются капиталы; но каждая песчинка пропитана трудонимъ пототъ рабочаго сословія, и всѣ силы верховной власти, вся задача умнаго в благомыслящаго правительства должны быть направлены на то, чтобы драгоценныя сія песчинки не развѣяны были по вѣтру и не прилипли бы къ нечистымъ рукамъ.

«Первое и главное условіе для оощренія бережливости и накопленія народнаго капитала, это — полное обезпеченіе труда и собственности. Когда мы увѣрены, что плоды нашихъ трудовъ, будь они результаты труда вещественнаго или невещественнаго, не пропадутъ, тогда всѣ мы готовы трудиться, тогда народная производительность дѣлаетъ чудеса, и капиталы вещественные, равно какъ и нравственные, быстро умножаются. Гдѣ мало безопасности, гдѣ мало увѣренности въ пользованіи плодами своей бережливости, тамъ ничтожно и стремленіе къ послѣдней. Солдаты въ военное время, моряки и въ особенности китоловы всегда чрезвычайно расточительны и безпорядочны. Домовитость, мудрое скопидомство могутъ быть только въ такихъ народахъ, гдѣ каждый увѣренъ въ своей безопасности, и гдѣ вслѣдствіе такой увѣренности дѣятельность каждаго отдѣльнаго лица получаетъ болѣе размѣры, и гдѣ въ цѣломъ народъ замѣтно стремленіе копить, чтобы умножить свое богатство и улучшить свое матеріальное положеніе. Мы часто слышимъ нападки на врожденную лѣнь и безпечность нѣкоторыхъ народовъ, на отсутствіе всякаго смысла къ улучшенію своего быта. Это отчасти справедливо. Но нельзя согласиться, чтобы лѣнь и безпечность были удѣломъ цѣлаго народа, и нельзя предположить, чтобы въ цѣломъ народѣ существовало полное отсутствіе желанія улучшить свой бытъ. Это невозможно, и мы должны скорѣе искать объясненія такого грустнаго явленія въ условіяхъ, среди которыхъ живетъ извѣстный народъ. Когда избытки народа такъ малы, что и копить ихъ нечего, когда овъ даже и въ нихъ не увѣренъ, потому что каждую минуту его трудолюбіе можетъ быть потревожено произвольными наѣздами бани-бузукъ самаго разнообразнаго рода, гдѣ же тутъ можетъ быть возможность бережливости? Лучше пропить послѣднюю копейку, чтобы она только другому не досталась. Все же она какъ будто не пропала. Когда промышленникъ не можетъ начать ни одного предпріятія, не рискуя потерять своего капитала, когда заимодавецъ тщетно преслѣдуетъ своего должника, переѣзжающаго преспокойно изъ одного города въ другой, гдѣ же тутъ можетъ быть бережливость, гдѣ же тутъ возможность быстрого накопленія капиталовъ? Практики, вѣроятно, улыбнутся, читая эти строки, и укажутъ на громадные капиталы, обращающіеся въ нашей торговлѣ, укажутъ ва громкія имена нашихъ аристократовъ торговли; но намъ и не приходится въ голову отрицать существованія капиталовъ въ Россіи. Они есть; но ихъ все-таки мало. Высота процента служить лучшимъ тому доказательствомъ; а онъ у насъ очень высокъ. Причина же высоты роста двоякая: или у насъ мало капиталовъ и, значитъ, мало еще стремленія къ накопленію, или же капиталы есть, и тогда высокій ростъ происходитъ отъ высоты страховой преміи—отъ недостатка безопасности; а гдѣ нѣтъ безопасности, тамъ не можетъ быть и бережливости. При такомъ отсутствіи безопасности не могутъ развиваться и главныя побудительныя причины накопленія—предусмотрительность и забота объ общемъ благѣ. Народы на низкой степени нравственнаго развитія почти не знаютъ предусмотрительности.

«Трудно себѣ представить, до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ губительно на бережливость, накопленіе, а имѣетъ съ тѣмъ и на умноженіе народнаго капитала. Междоусобныя войны, борьба политическихъ партій, вѣшества, моръ, голодъ не могутъ имѣть того губительнаго вліянія на народное богатство, какъ произвольное управленіе. Чего не перенесли благословенныя страны Малой Азіи, какихъ не испытывали они переворотовъ,—и постоянно вновь обращались въ земной рай, покуда не

скрутила их турецкая администрация! Что было съ Франціей въ XVIII столѣтіи, когда надъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ тяготѣла безобразная система налоговъ и когда въ добавокъ еще, подъ видомъ послѣднихъ, каждый чиновникъ могъ смѣло в беззаконно грабить? Противъ воровъ и разбойниковъ есть управа; но что же дѣлать съ органами и служителями верховной власти, считающими свое мѣсто доходнымъ производствомъ? Тутъ возникаетъ всякая звергя труда, всякая забота о будущемъ, объ улучшеніи своего быта.

«Умноженіе народнаго богатства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ производительнаго употребленія плодовъ бережливости. Было время, когда господствовало общее мнѣніе, что правительство можетъ потребить весь капиталъ народный, что такое потребленіе будетъ даже полезно, ежели только всѣ истраченные капиталы разойдутся въ народѣ. Это невольно напоминаетъ вамъ правило самоеднаго тирана Поликрата, увѣщавшаго, что друзья его гораздо довольнѣе, когда онъ отдаетъ имъ назадъ, что у нихъ награбить, нежели когда онъ оставляетъ ихъ въ покоѣ. Такия самоссія понятія въ вѣселии и до сихъ поръ. Мы и теперь часто услышимъ, что расточительность не только не вредна, но даже и полезна, ежели только деньги останутся въ государствѣ. Но что, если бы всѣ капиталы, издержанные въ продолженіе всеобщаго мира въ Европѣ на громадныя морскія и военныя силы, были употреблены на производительное и для народа полезно дѣло, развѣ результаты были бы тѣ же? Употребить миллионъ на фабрику или на другое промышленное предпріятіе и истратить миллионъ на потѣшныя огонь, хотя бы даже и въ томъ въ другомъ случаѣ деньги остались въ народѣ, все одно и то же. До пышнаго фейерверка народный капиталъ представляетъ двѣ цѣнности: миллионъ въ деньгахъ и миллионъ въ цѣнностяхъ, предвѣданныхъ для потѣшнаго огня; но послѣ него 1,000,000 въ деньгахъ остался, а другой миллионъ исчезъ навсегда, за исключеніемъ только той прибыли, которая осталась въ рукахъ людей, занятыхъ приготовленіемъ торжества. Каждая ненужная трата, каждый лишній расходъ имѣютъ точно такое же вредное дѣйствіе. Употреблять двухъ работниковъ, гдѣ достаточно одного, держать легіоны чиновниковъ, гдѣ въ нихъ новее нѣтъ такой нужды, не менѣе вредно. Такъ, мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Австріи расходы на чиновниковъ поглощаютъ половину доходовъ областей, гдѣ они имѣютъ свои мѣста, а всѣ расходы на чиновниковъ, равно какъ и большая часть государственныхъ расходовъ, въ суммѣ, совершенно уже погнѣши для капитализаціи, и всѣ онѣ потребляются по большей части непроизводительно. Всякая лишняя трата, всякая лишняя издержка вредны для капитализаціи, и вотъ почему всѣ силы умнаго и заботливаго правительства должны быть постоянно направлены на то, чтобы не издерживать ничего лишняго и, съ другой стороны, чтобы дать всю возможность частнымъ лицамъ безпрепятственно и безопасно пользоваться копѣйкою, приобретенною трудомъ и потомъ. «Каждая копѣйка, говоритъ пословица, алтыннымъ гвоздемъ прибитая».

«Мы указали уже, что одно изъ главныхъ условій накопленія капиталовъ и умноженія народнаго богатства—это правильное и производительное его потребленіе; а для этого всего прежде нужно раскрыть всѣ пути, дать самую широкую возможность къ быстрому обращенію капиталовъ. Чѣмъ быстрѣе обращаются капиталы, тѣмъ они приносятъ болѣе дохода, тѣмъ они производительнѣе. Капиталъ, обращающійся три раза въ годъ, болѣе приноситъ выгоды и пользы, нежели капиталъ, обращающійся только разъ».

«Бросивъ взглядъ на экономическій бытъ разнородныхъ обществъ Европы, мы приходимъ къ одному заключенію, что тѣ общества бѣднѣе, гдѣ медленнѣе обращеніе цѣнностей, гдѣ менѣе развитъ вредитъ, гдѣ пути сообщеній хуже. Громадныя успѣхи, совершившіяся въ Австріи и Венгріи съ 1848, вызваны были благотѣльными мѣрами правительства, проведеніемъ линій желѣзныхъ дорогъ и основаніемъ обширныхъ кредитныхъ учрежденій. Говоря здѣсь о матеріальныхъ успѣхахъ въ экономическомъ быту Австріи, нельзя не упомянуть здѣсь о ея великомъ финансовомъ мужѣ Брукѣ, вышедшемъ подобно Кольберу изъ купеческой конторы, внесшемъ новыя силы и новую жизнь въ экономическій бытъ имперіи. Онъ указалъ на великую истину, что удобство сообщеній—главное условіе для дружнаго содѣйствія всѣхъ производительныхъ силъ

народа, что умноженіе матеріальнаго богатства Австріи не можетъ втѣи въ уровень съ матеріальнымъ развитіемъ остальной Европы, ежели въ однихъ областяхъ ея много промышленныхъ силъ, въ другихъ много суровья, но когда ни то, ни другое не могутъ удобно сообщаться и развѣиваться,—и сѣть жѣлѣзныхъ дорогъ прорѣзываетъ уже по его указанію и настоянію Австрійскую имперію, а обширныя кредитныя учрежденія начинаютъ уже живить народную промышленность».

Но какъ же помочь дѣлу, когда нація имѣетъ недостатковъ въ собственныхныхъ капиталахъ, или эти капиталы скрываются или расточаются, не употребляясь на полезныя предпріятія? Капиталъ не прикованъ ни къ какой странѣ: онъ не знаетъ границъ, раздѣляющихъ государства и народности. Нужно только одно: силою не отгонять капитала, не убивать кредита, и самъ собою капиталъ прілетѣтъ изъ странъ, изобилующихъ имъ, въ страны, который въ немъ нуждаются:

«Противъ иностранныхъ капиталовъ и притока ихъ въ намъ случилось навѣ часто слышать грозныя рѣчи. Говорятъ о какой-то постыдной зависимости отъ иностранцевъ, о потеряхъ въ звонкой монетѣ, которою мы должны будемъ уплачивать проценты, ущербъ народному хозяйству, когда иностранецъ, явившій себѣ въ Россіи состояніе, утѣшаетъ пользоваться плодами своего труда на родину и увозить наши капиталы. Но взгляды поближе, попристальнѣе въ это утѣшительное и многознаменательное явленіе переселенія капиталовъ, взглянемъ прямо, а не сквозь плохія очки старыхъ теорій и воззрѣній, и явленіе представится намъ совершенно въ иномъ видѣ.

«Чѣмъ дешевле намъ обходится удовлетвореніе какой нибудь экономической потребности, тѣмъ для насъ это выгодноѣе, потому что стоитъ намъ меньше усилій. Ежели одинъ изъ факторовъ производства дорогъ, то его стараются достать подешевле. Въ странѣ съ высокой заработной платой очень рады дешевымъ работникамъ, при дороговизнѣ капиталовъ, т. е. при высокомъ ростѣ, стараются пріобрѣсти ихъ изъ-за границы. Правительство, производя заемъ за границей и получая тамъ необходимыя ему капиталы ва 5%, поступаетъ гораздо бережливѣе, нежели занимая у себя дома по 8 или 6. Мы богаты землею, богаты естественными продуктами, ао бѣдны капиталами, необходимыми для усиленія нашего производства, для обработки богатыхъ и разнообразныхъ произведеній нашей родины: очевидно, значить, что намъ гораздо выгодноѣе воспользоваться чужими дешевыми капиталами. Ежели Россія занимаетъ на полезное предпріятіе капиталы за границей и платитъ ежегодно 3 и 4 процента, а сама получить отъ производительнаго употребленія 10%, то, конечно, мы все-таки будемъ въ выигрышѣ, и въ этомъ отношеніи иностранный заемъ на Московскую жѣлѣзную дорогу быть, во всякомъ случаѣ, выгодноѣе займа внутренняго. Международное движеніе капиталовъ и помѣщеніе иностранныхъ капиталовъ въ болѣшихъ промышленныхъ предпріятіяхъ—одна изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ нашей эпохи. Австрійскіе капиталы давно уже начали свою космополитическую дѣятельность. Капиталы англійскіе давно уже пополняютъ передержки въ государственныхъ расходахъ, питаютъ и живятъ промышленность континентальной Европы. Многія изъ французскихъ жѣлѣзныхъ дорогъ построены при содѣйствіи ихъ, и наконецъ, не даѣе, какъ въ прошломъ году, австрійское правительство уступило и передало большую часть своихъ линій жѣлѣзныхъ дорогъ, какъ отстроенныхъ, такъ и проектированныхъ, уступило нѣсколько значительныхъ рудниковъ и горныхъ заводовъ обществу автрійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ капиталистовъ. Уступить главныя линіи своихъ дорогъ, богатые рудники и часть государственныхъ имуществъ частной компаніи казалось и въ Австріи дѣломъ безразсуднымъ и возбудило въ приверженцахъ старой финансовой рутинѣ и казенныхъ предпріятій ропотъ и неудовольствіе; но не такъ думалъ и думаетъ Брукъ. Какъ купецъ и промышленникъ, овъ понимаетъ очень хорошо, что каждое казенное промышленное предпріятіе плетется всегда медленно и вало, а что только частныя предпріятія приносятъ всѣ возможныя выгоды. Не забудемъ также и еще одного вѣж-

наго обстоятельства, что продажей дорог и рудников австрийское правительство получило в свои руны значительный капитал, который дал ему возможность поправить и привести в порядок свою систему ассигнаций, от беспорядка которой страдает до сих пор еще австрийское народное хозяйство. Призвав иностранные капиталы, австрийское правительство получило, значит, двойную пользу: дало толчок дремлющим производительным силам богатой страны и спаслось само от банкротства. Призыв иностранных капиталов несколько, одним словом, не вредит государству, но только приносит пользу, конечно, ежели их употребляют только производительно. Всякий же заем для цели непродуцительной вреден, потому что народное богатство не умножается, но уменьшается, и народ должен нести на себя всю тяжесть уплаты процентов, которые уплачиваются в добавок из прежде существовавшего капитала. Такое выгодное перемещение капиталов возможно только при содействии кредита, и когда веѣ разнообразныя вѣтви народной промышленности чувствуют в немъ необходимость, когда онѣ безъ кредита не могутъ подняться и распустить крылья, тогда задача каждаго правительства должна состоять в доставленіи всѣхъ возможныхъ средствъ для развитія и расширенія кредита. Не трудно найти причины, отчего кредита в народѣ мало, и у правительства всегда в рукахъ средства, у него всегда и сила и возможность поднять кредитъ или, чего Боже избави, задавать его скромные начатки. Чаше же кредитъ, какъ и всякая сторона экономической жизни, тогда, когда частная дѣятельность и промышленность стѣснены, когда народной промышленности навязываютъ устарѣвшіе экономическіе законы и правила».

Но подѣ капиталомъ разумѣются не одиѣ только деньги, не одни матеріальныя богатства:

«Есть еще одна отрасль народнаго капитала—это капиталъ нравственный, заключающійся в народнои честности, в народнои предприимчивости и степени трудолюбія, в живомъ и ревностномъ участіи къ общему благу, в привычкѣ не полагаться на вѣншію помощь, не искать себѣ в силахъ, лежащихъ извнѣ, опоры, но в самомъ себѣ, в привычкѣ къ самостоятельности. Не одинаково и не ровно распределены сія высокія качества нравственнаго достоинства народнаго, этого неоцѣннаго запаса нравственнаго капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся в разныхъ степеняхъ, встрѣчаемъ мы и нравственный капиталъ не в одномъ и томъ же количествѣ. Мы найдемъ многочисленныя здѣсь ступени, начиная отъ жидонскаго торгашества и барышничества, врожденнаго восточнымъ народамъ, до непоколебимой честности квакеровъ, извѣстной цѣлому міру, отъ лѣни неаполитанскаго лазарони до трудолюбія англійскаго работника в отъ совершенной апатіи, отъ совершеннаго отсутствія потребности къ улучшенію своего быта земледѣльческаго населенія на Востокѣ до неутомимаго духа къ спекуляціямъ сѣверно-американца. Вглядитесь вь весь общественный организмъ восточныхъ государствъ, и вы увидите, что тамъ, гдѣ дѣти отъ своихъ родителей заимствуютъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ презрѣніе къ честному труду, презрѣніе къ честности и къ образованію, гдѣ все управленіе основывается на продажности и на подкупѣ, гдѣ господствуетъ полный произволъ вездѣ и всюду, гдѣ уголовное законодательство существуетъ почти единственно для потачки преступленію, а не для того, чтобы карать его,—тамъ, конечно, не можетъ быть честности; а гдѣ нѣтъ честности, тамъ не можетъ развиваться и умножаться народное богатство. И дѣйствительно, гдѣ болѣе бѣдности и нищеты, какъ не в сѣнѣхъ благословенныхъ странахъ Азіи и Европы, но страдающихъ отъ дурнаго управленія? Развитіе промышленности можетъ быть только тамъ, гдѣ господствуетъ честность вь народѣ и гдѣ развитъ вредитъ».

«Но ежели честность, и, г., и народная нравственность такъ много содѣйствуютъ умноженію народнаго богатства, то не забудемъ, что вмѣстѣ съ цивилизаціей усиливается вь народѣ в духъ предприимчивости и трудолюбіе. Никакіи поощренія, никакія правительственныя мѣры не вь состояніи вызвать вь народѣ двухъ этихъ необходимыхъ для его благосостояніи качествъ, ежели только народная собственность не обезпечена, ежели у народа нѣтъ возможности дать полнаго развитія всѣмъ своимъ

промышленнымъ сѣланъ, ежели его дѣятельность стѣснена въ каждомъ мѣстѣ вмѣшательства въ то промышленныя дѣла, въ оны не можетъ безъ спросу съ мѣста двинуться, безъ платежа предпринять чего нибудь. Но для того, чтобы въ народѣ возбудить, вызвать благородный духъ предпримчивости и уваженіе ко всякому полезному труду, возбудить честность и чувство правоты, для этого, м. г., необходимое всего широкое, всепроникающее образованіе.

«Возблагодаримъ же нашего Державнаго Миротворца за миръ, подъ сѣнью котораго да развивается у насъ истинное и благородное образованіе, да развивается народное богатство, да крѣпнеть въ народѣ чувство чести и правоты. Высочайшее разрѣшеніе приѣмъ неограниченнаго числа студентовъ въ университеты. Высочайшее дозволеніе отправлять молодыхъ людей для усовершенствованія за границу указываетъ намъ путь, которымъ хочетъ Державный Вождь вести народъ свой, и радостно отзывается на его призывъ каждое сердце истиннаго патриота, истинно образованнаго русскаго гражданина. Безъ образованія, безъ распространенія полезныхъ знаній нѣтъ возможности для матеріальнаго благосостоянія народовъ, нѣтъ возможности умноженія народнаго богатства, а безъ послѣдняго нѣтъ у народа и средствъ къ образованію и въ нравственному развитію».

Мы увѣрены, что читатели будутъ намъ благодарны за сообщеніе этихъ прекрасныхъ словъ; не сомнѣваемся въ томъ, что приведенныхъ нами отрывковъ достаточно для того, чтобы оправдать живое сочувствіе, съ которымъ говорили мы о достоинствахъ «Рѣчи» г. Бабста. Дай Богъ, чтобы подобныя произведенія чаще и чаще являлись въ нашей литературѣ.

Военно-историческіе очерки Крымской Экспедиціи, составленные Генералъ-маіору Штаба капитаномъ Аничковымъ. Части I. и II. Спб. 1856.

Г. Аничковъ говоритъ въ предисловіи къ своимъ «Очеркамъ», что не хочетъ писать полной исторіи достопамятной Крымской Экспедиціи. Цѣль его гораздо скромнѣе: онъ только сводитъ въ одинъ связный рассказъ показанія нашихъ и иностранныхъ газетъ, повѣряя ихъ обнародованными реляціями нашихъ главнокомандующихъ и объясняя изображеніями мѣстностей. Въ первой книжкѣ, онъ описалъ такимъ образомъ битвы при Альмѣ, Балаклавѣ, Инкерманѣ и Черной, во второй—осаду и оборону Севастополя, доводя свой рассказъ до штурма 6-го іюня. Надобно сказать, что г. Аничковъ вообще хорошо исполняетъ свою программу, и изъ его брошюрки можно составить себѣ болѣе отчетливое понятіе о ходѣ военныхъ дѣйствій, нежели изъ отрывочныхъ реляцій и газетныхъ извѣстій. Но само собою разумѣется, что его рассказъ не замѣняетъ прагматической исторіи Крымской Экспедиціи и только заставляетъ съ болѣе терпѣніемъ ожидать появленія въ свѣтъ сочиненія, которымъ занимается генералъ Е. П. Ковалевскій. Отрывокъ изъ этой исторіи, помѣщенный недавно въ «Современникѣ», показываетъ, что г. Ковалевскій обогатитъ нашу военную литературу книгою, въ высшей степени замѣчательною, какъ по обилію и достовѣрности фактовъ, такъ и по высокому достоинству изложенія.

Для легкаго чтенія. Повѣсти, рассказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскіхъ писателей. Томъ II. Спб. 1856.

Мы предполагали, что изданіе, предпринятое г. Давыдовымъ, будетъ имѣть успѣхъ; и, дѣйствительно, первый томъ «Легкаго чтенія» былъ при-

шить публикою съ одобреніемъ, котораго и заслуживать по удачному своему составу и доступной всѣмъ цѣнѣ. Второй томъ, по всей вѣроятности, будетъ пользоваться такимъ же успѣхомъ, потому что достоинствомъ содержанія не уступаетъ первому. Въ немъ помѣщены:

Иванъ Савитъ Поджабринъ. Очерка *И. А. Гончарова*.
Дантъ въ Венеціи. Стихотв. *Л.**.
Капризная женщина. Разсказъ *Н. Станицкаго*.
Срубленный лѣсъ. (Отрывокъ). Стихотв. *Н. А. Некрасова*.
Не въ свои сани не садись. Комедія *А. Н. Островскаго*.
На Черномъ морѣ. (1855). Стихотв. *Я. Н. Полонскаго*.
Сосѣдка. Повѣсть *Д. В. Григоровича*.
Вечерніе визиты. Очерки уѣздной жизни. *А. В. С—ча*.
Записки маркера. Разсказъ *графа Л. Н. Толстаго*.

Въ третьемъ томѣ, который выйдетъ въ этомъ мѣсяцѣ, будутъ напечатаны, между прочимъ:

Антонъ Горемыка. Повѣсть *Д. В. Григоровича*.
Пять стихотвореній *А. А. Фета*.
Жена часового мастера. Разсказъ *Н. Станицкаго*.
Къ отцу. Стихотвор. *А. —аго*.
Красильниковъ. Повѣсть *А. Печерскаго*.
«Одинъ, опять одинъ я». Стихотв. *Т. Л.*
Осенняя скука. Драматическая сцена *Н. А. Некрасова*.

Такимъ образомъ, первые три тома «Легкаго чтенія» дадутъ шестнадцать повѣстей, разсказовъ и драматическихъ пьесъ гг. Гончарова, Григоровича, Дружинина, Некрасова, Островскаго, Печерскаго, С***, Станицкаго, С—ча, Толстаго, Тургенева,—и шестнадцать стихотвореній: гг. Л***, Майкова, Некрасова, А—аго, Полонскаго, Т. Л. и Фета.

Нѣкоторые изъ этихъ произведеній являются въ «Легкомъ чтеніи» въ новомъ видѣ; особенно должно замѣтить это о повѣстяхъ г. Тургенева «Записки лишняго человѣка» и гр. Толстаго «Записки маркера». Перечитывая ихъ, мы нашли въ той и другой пьесѣ нѣсколько новыхъ прекрасныхъ сценъ, и оттого онѣ теперь производятъ впечатлѣніе болѣе полное и цѣльное.